

УДК 81'42

ТЕКСТ КАК ФОРМА ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ М.М.ЗОЩЕНКО «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»)

Бычкова Т.А.

Участниками опосредованной коммуникации, своеобразной формой которой является текст, выступают с одной стороны автор, а с другой – читатель. Адекватное восприятие, понимание читателем данного текста – залог успешной коммуникации. Поскольку, по словам В.П.Белянина, «текст – это... элемент целой системы «действительность – сознание – модель мира – язык – автор – текст – читатель – проекция» [1, с.10], еще на начальных этапах порождения текста его создатель ориентируется на реципиента, на того, кто будет воспринимать этот текст.

Постановка проблемы. Художественный текст – субстанция особого рода. Своеобразие языка художественной литературы заключается в том, что он наряду с функциями сообщения и общения выполняет функцию эстетическую, которая выдвигается на первый план и делает тем самым язык художественного произведения материалом искусства. Языковые единицы в контексте цельного художественного произведения приобретают эстетическую значимость. Если в тексте научном или деловом слова употребляются в их узальном значении, то в художественной речи слово образно, оно многозначно, гиперсеманлично. Каждое слово в художественном тексте имеет поэтическое наращение смысла. По словам В.А.Пищальниковой, художественный текст – это «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [3, с.6]. Таким образом, читатель является «активным субъектом коммуникации», «которая осуществляется на основе индивидуального и социального опыта каждого из коммуникантов» [3, с.3]. Автор того или иного художественного текста идет *от замысла к слову*, т.е., намереваясь изложить собственные идеи, мысли и (главное!) донести их в соответствующем виде до читателя, выбирает определенные языковые (в том числе лексические) средства, наделяет слова дополнительным смыслом и т.д. Читатель же, напротив, идет *от слова к замыслу*, через словесную ткань литературного произведения он проникает в мир писателя, в мир его мыслей. Возникает вопрос, всегда ли читатель способен правильно понять замысел автора и от чего это зависит? Пищальникова полагает, что «чем больше степень совпадения концептуальных систем (автора и реципиента. – Т.Б.), тем адекватнее воспринимается «авторское» содержание текста. При отсутствии какой-либо общности между концептуальными системами интерпретация художественного текста тоже производится, однако адекватное понимание не осуществляется» [3, с.8]. Следует отметить, что полного совпадения концептуальных систем в силу их уникальности принципиально не может быть, а потому невозможно и понимание художественного текста, абсолютно тождественное авторскому содержанию. Вероятно, поэтому В.П. Белянин назвал художественный текст «загадочной сущностью». Но именно этим и привлекает он читателя – стремлением проникнуть в эту сущность, попытаться по-своему интерпретировать текст. И все же автор, создавая художественный текст, в первую очередь апеллирует к читателю, способному наиболее адекватно его воспринять. В связи с этим возникает еще один вопрос: какими средствами, приемами пользуется писатель для

максимально точной передачи своего замысла читателю. Несомненно, каждый писатель использует свои, индивидуальные приемы. Некоторые из наиболее характерных для творчества М.М. Зощенко мы бы хотели рассмотреть на примере его научно-художественной повести «Перед восходом солнца».

Повесть была написана в годы Великой Отечественной войны. Она провозглашает силу разума, позволяющую человеку преодолеть ложные представления о действительности и тем самым оградить себя от множества негативных проявлений жизни. Направленная в том числе и против фашизма, повесть «Перед восходом солнца» (а точнее, ее часть, опубликованная сразу после написания) была воспринята весьма критически. Зощенко был удивлен и недоумевал: «Написал хорошую книгу (хотя, может, трудную, не массовую и не вовремя). Имел отличные отзывы – ученых, писателей и т.д. И вдруг все эти похвалы сменились криками и бранью». Повесть была названа «вредной», писателя исключили из Союза писателей (1946 г.). Окончание увидело свет лишь в 1972 году, после смерти Зощенко. Причины непризнания повести коренятся, видимо, не только в том, что писатель воспринимался прежде всего как сатирик, а не как мыслитель и моралист. Вероятно, замысел автора не был понят правильно, хотя многие темы и идеи, нашедшие место в книге, присутствуют и в большинстве ранних произведений писателя. Очевидно, что непривычная форма изложения и несвойственный зощенковским рассказам язык сыграли свою негативную роль.

Цитируя Пищальникову, мы говорили о том, что наиболее адекватно может восприниматься «авторское» содержание текста в том случае, когда степень совпадения концептуальных систем автора и реципиента наибольшая. Хотелось бы отметить, что, помимо этого, важно также, насколько читатель знаком с ранее созданными произведениями писателя, с основными аспектами его мировоззрения, с его биографией. Несомненно, что все это важно для правильного восприятия и понимания текстов автора. Но и читатель, знакомый лишь с одним произведением писателя, способен адекватно его воспринять, если автор делает соответствующую установку на это.

Нас интересуют лингвистические средства, использованные М. Зощенко в повести «Перед восходом солнца» для актуализации важных для него понятий и, соответственно, для лучшего понимания его читателем.

Следует сразу оговориться, что в данном случае мы выступаем в роли читателя и наш взгляд – тоже своеобразная интерпретация текста. Однако знакомство с разными ипостасями творчества писателя (рассказы, фельетоны, художественные, документальные, научно-художественные повести, пьесы, воспоминания, переписка с женой, друзьями, коллегами и проч.), воспоминаниями о нем известных писателей, некоторыми архивными материалами биографического плана, критическими заметками о его работе позволяет нам надеяться на достоверность наших предположений.

Итак, в повести «Перед восходом солнца» М.М. Зощенко поднимает глубоко волновавшие его проблемы. Писатель рассказывает о своей болезни, о самостоятельной попытке её анализа и самоисцелении. Все содержание повести от начала и до конца проникнуто мыслью о позитивной силе разума. Безусловно, в основе замысла Зощенко и было стремление показать, как разумное, сознательное в человеке способно взять верх над низменным. Разум дает человеку свободу. Три главы, следующие друг за другом, называются «Разум побеждает смерть», «Разум побеждает страдания», «Разум побеждает старость». Нам представляется, что все они могли бы быть объединены общим названием, которое продиктовано контекстом не только этой конкретной повести, но и контекстом всего творчества Зощенко, – «Разум побеждает страх». Именно страх смерти, страх перед страданиями и страх старости имеет в виду писатель. Мы убеждены, что это понятие относится к ключевым в сознании Зощенко, и убеждение это зиждется не на интуиции или

**ТЕКСТ КАК ФОРМА ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ М.М.ЗОЩЕНКО «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»)**

домыслах, а на анализе множества текстов писателя (причем разновременных), на воспоминаниях его жены, друзей, близких, коллег.

Как же в тексте конкретного произведения писатель акцентирует внимание читателя именно на этом понятии? Какими средствами он этого добивается?

Во-первых, частотность употребления слов, так или иначе связанных с этим понятием или указывающих на него, чрезвычайно высока в повести. При этом нужно отметить, что, когда автор размышляет о причинах своей болезни, он лишь упоминает о том, что сопровождалась она неосознанным страхом. Это повествование сопровождается в тексте употреблением слов разных частей речи, характеризующих такое состояние человека: *ужасный, страшно, боюсь, испугался, волнение, трепет* и др.

Ночью я в страхе проснулся от какого-то ужасного сна [2, с.578].

Без этого вода не была бы предметом ужаса [2, с.587].

Когда же повествование достигает кульминационного момента (автор близок к разрешению загадки о причинах болезни и – соответственно – страха), синонимы к слову *страх* отсутствуют, есть лишь образования от него: *устрашение, устрашать, страшно, страшный* и др.

Нет сомнения – это могло устрашить ребенка, доказать ему, что младенческое его представление правильно [2, с.581].

Этот страх жил ночной жизнью, в сновидениях. А днем, в столкновении с объектом устрашения, он проявлялся только косвенным образом – в непонятных симптомах, кои могли сбить с толку любого врача [2, с.582].

Страх цепко держал меня в своих руках [2, с.583].

Следует отметить, что частотность употребления таких слов намного возрастает. Так, на 1,5 страницах слово «страх» и производные от него встречаются 12 раз. Это слово приобретает символическое значение для писателя. Важно обратить внимание еще на один прием, используемый автором для актуализации понятия «страх».

Толковый словарь Ожегова дает как одно из значений слов *страшный, ужасный* – ‘очень сильный по степени проявления’. Зошенко активно использует эту возможность слова, за счет чего постепенно создается общее ощущение тревоги. В этом случае указанные нами слова можно заменить синонимами *большой, сильный*.

Но я ошибался. И теперь счастлив сообщить вам об этой моей ужасной ошибке [2, с.454].

Я хотел убежать от этой моей ужасной тоски [2, с.455].

Все время ужасно мерз [2, с.457].

На курорты я перестал ездить. Вернее, я приезжал и, промаявшись там два-три дня, снова возвращался домой, еще в более страшной тоске, чем приехал [2, с.457].

Какую страшную переменку я наблюдал! Какой ужасный пример я увидел! [2, с.596]

Все приведенные нами примеры демонстрируют, что значение ‘сильный’, ‘большой’ писатель употребляет с отрицательной коннотацией, хотя, например, в других его произведениях встречаются выражения типа «ужасно рад» или «ужасно счастлив». Имеются случаи, когда Зошенко употребляет слово *ужасный* только в значении ‘плохой’, ‘негативный’.

«Мир ужасен, – подумал я. – Люди пошлы. Их поступки комичны. Я не баран из этого стада» [2, с.453].

Любопытно отметить, что Зошенко, описывая свое состояние, сравнивает его с состоянием известных людей. При этом он выбирает из их писем, дневников, которые цитирует, высказывания, где также употребляются слова, связанные с понятием страха.

«У меня бывают припадочки такой хандры, что боюсь, что брошусь в море. Голубчик мой! Очень тошно...» (Некрасов)

Бычкова Т.А.

«Мне так худо, так страшно безнадежно худо и в теле, и в духе, что я не могу жить...»
(Эдгар По)

«Я живу скверно, чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю с мыслью: не лучше ли застрелиться...» (Салтыков-Щедрин) [2, с.458].

Автор выбирает выражение мыслей, сходное со своим. Во всех случаях слова «страх» и «ужас» употребляются не в их прямом значении. Здесь они придают тексту определенную долю экспрессивности, создают ощущение несвободы.

Выводы. Таким образом, приведенные нами примеры демонстрируют, какими средствами М.Зощенко добивается актуализации важного для него понятия, что, в свою очередь, способствует наиболее адекватному восприятию конкретного текста.

Список литературы

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. – М.: Тривола, 2000. 248 с.
2. Зощенко М.М. Перед восходом солнца // Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Тера, 1994. – Т.3. – 720 с.
3. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 209 с.

Поступила в редакцию 10.02.2005 г.